

Крест на Всехсвятском поле

Культура. — 1997. — 26 июня. — с. 70

Был вечер холодный, осенний, с тревожным закатом. Пламя свечей металось на ветру. В сквере за церковью Всех Святых, что у метро "Сокол", закладывался камень в основание часовни. Ей предстояло хранить память российских воинов, умерших в московских госпиталях, когда шла первая мировая война. А сквер был остатком некогда обширного Всехсвятского братского кладбища, основанного в 1915 году великой княгиней Елизаветой Федоровной. Совершилось это в день Воздвижения Креста Господня, 27 сентября 1990 года. Крест — высокий, из дубовых плах, поднялся над закладным камнем. Кто-то из местных жителей сказал, что раньше здесь тоже стоял храм-часовня, построенный по проекту Щусева. И был освящен патриархом Тихоном. И сломан, когда кладбище разорили, встали на его месте "генеральские" дома сталинского времени и блочная застройка последующих десятилетий. Но я ждал, что за именем Щусева прозвучит еще имя, а имени этого не услышал...

Вадим ОЛЬШЕВСКИЙ,
искусствовед,
член Союза художников России

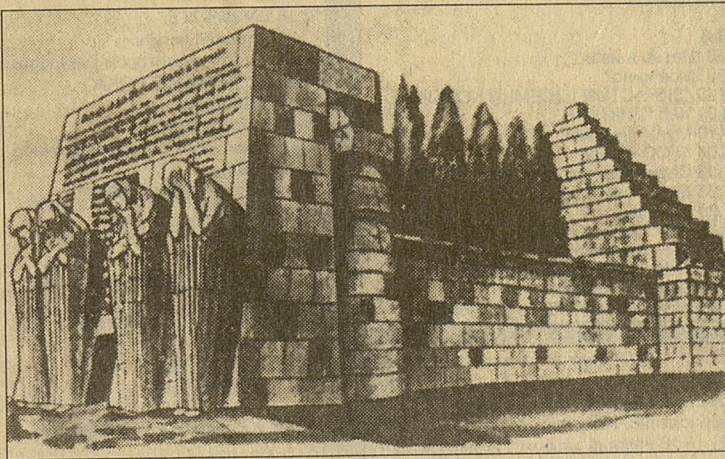
В 1916 году германская подводная лодка потопила возле Батума госпитальное судно "Португалия". Три тысячи раненых воинов с Кавказского фронта, обслуживающий персонал, вся команда — не спасся никто. Россия была объята гневом. Московская городская дума объявила конкурс на лучший проект памятника. Памятник предназначался для кладбища у церкви Всех Святых. Первое место заняло предложение молодого в ту пору скульптора Ивана Дмитриевича Шадра.

Незадолго до того Шадр приехал из Италии, а еще раньше был учеником Родена в Париже. "Дайте мне большую тему", — просил он учителя. "Ищите здесь", — указал на свое сердце стареющий мастер.

Это потом имя Шадра заслужит известность. А тогда он был весь во власти будущих своих творений.

Проект Шадра вызывал высокие оценки. Алексей Викторович Щусев, к тому времени утвердивший себя на поприще зодчества, профессионал сложившийся и известный, представил ваятелю свою мастерскую, с интересом и одобрением следил за разработкой проекта.

Собственно, поначалу конкурс преследовал цель более узкую — почтить память погибших с госпитального судна. Но Шадр своим проектом сумел убедить устроителей конкурса, что заданная тема может и должна решаться шире — как памятник всем жертвам

войны, своего рода пантеон, архитектурно-скульптурный ансамбль.

— Я вспоминал храмы, святилища древности, — читаем мы в записях Шадра, собранных и опубликованных исследователем и популяризатором творческого наследия художника, ныне покойной, Ольгой Порфирьевной Вороновой. — Я верил, что и теперь возможно новое большое искусство, подобное религиозному искусству прошлого.

Что сохранилось от шадровского проекта? Всего только эскизный рисунок, напечатанный в журнале восьмидесятилетней давности, да описание, которое мы приводим со слов самого Шадра.

Тяжелая входная арка с изваяниями — аллегориями Смерти, далее мертвенно недвижимое Озеро слез, окаймленное тополями. Сложные символические фигуры — белый мрамор на черном граните — выражают материнскую Любовь, противостоящую Небытию, Милосердие, приникшее к человеческой боли. Весь этот строй образов подводит к высокой ступенчатой пирамиде, "современной Голгофе", как определял ее Шадр. По темным ступеням посетитель сходит вниз, как бы на дно гробницы, и затем, затаив дыхание, открывает он последнюю дверь и, объятый необычайным светом, останавливается. Над головой, высоко вверху, в золотом куполе, мозаичная фреска "Хвала вечности" и огненные буквы начертаны на стенах: "Оживут мертвецы твои, восстанут мертвые тела..."

Наступивший семнадцатый год не дал осуществиться ансамблю.

Горько сложилась творческая судьба Шадра и еще горше — судьба его наследия. Лучшие его творения уничтожены. Перед открытием выставок скульптуры Шадра разбивали кувалдами, выбрасывали за дверь. Казенное тупоумие преследовало его всю жизнь. Создания высокого полета — символы веры ху-

дожника, которые на международных форумах составили бы славу стране, заменялись на полпути, а мастерская наполнилась проектами, которым не суждено было сбыться.

Памятник на Всехсвятском поле остался его первой мечтой. Мы рассказали о проекте Шадра потому, что время его позабыло. Ну а часовня? Та самая, на месте закладки которой вот уже сколько лет возвышается крест?

Стараниями энтузиастов Московского союза художников замыслился и уже разрабатывался проект: ротонда с нишами для скульптур, увенчанная куполом. Как вода в песок — все ушло. Уже не найти, кто составлял проект и где сам проект. Вот и еще потеря, и что толку множить число потерь.

При строительстве престижных домов гробовой прах выкидывали в отвалы мусора, и кости, черепа тех, кто ходил в атаки Брусиловского прорыва, защищал от кайзеровских крейсеров город святого Петра, долгое время валялись на откосах проходившей поблизости железной дороги. Ни в какие века, ни в одной стране, ни у одного народа не было, не бывало та-

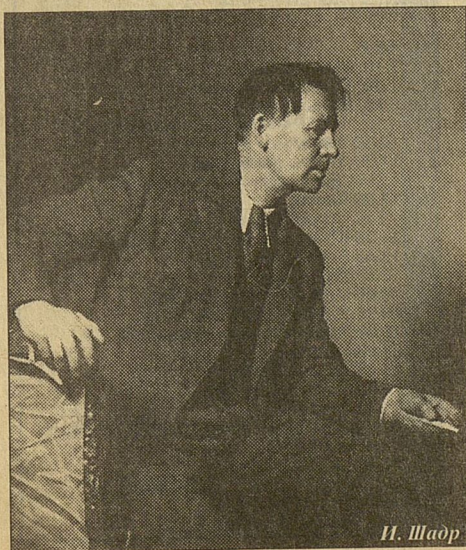
кого надругательства над останками отцов и дедов, над своей же собственной памятью...

Постыдно — как умеем мы забывать. Вот уже сколько десятков лет не умолкают разговоры о "Титанике". Издано около трех тысяч книг, снято тридцать кинофильмов, существует двенадцать обществ памяти "Титаника", в Гамбурге собрана выставка, посвященная трагической судьбе лайнера (сведения из газет), а у нас... Кто у нас знает о гибели того же госпитального судна, названного почему-то "Португалией"? На "Титанике" погибли полторы тысячи человек, на русском судне вдвое больше. Да дело не в счете — люди беспомощные, в большинстве не в силах подняться со своих коек, уходили в пучину вод! Единственное, что сохранило имя "Португалии", — это в одной из своих книг Константин Паустовский рассказывает, как в Одессе в шестнадцатом году он был назначен санитаром на судно и должен был пойти в рейс, но судно прежде срока вышло в море и он не успел к отходу. А успел бы — не было бы такого писателя — Паустовского.

Нынче восстанавливаются порушенные храмы, памятники, часовни — не пришла ли пора поставить мемориал на бывшем Всехсвятском поле? Давайте же вернемся к позабытому камню возле церкви Всех Святых. Встанет часовня — спадет с нашей души еще один грех перед Россией, перед теми, кто остался за перевалами времени.

Мне хочется, чтобы эти строки дошли до нашего городского головы, пусть к его многим заботам прибавит еще одна — сооружение всехсвятской часовни. Нет сомнения, благое начинание получит отклик в Обществе охраны памятников истории и культуры, в организациях ветеранов, в Министерстве обороны.

... А на открытии часовни, что будет построена, вспомним имя Ивана Шадра.

И. Шадр